

И. Я. МУРЗИНА
А. Э. МУРЗИН

КУЛЬТУРА УРАЛА

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ

Ирина Мурзина
Культура Урала

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мурзина И. Я.

Культура Урала / И. Я. Мурзина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0470-9

Монография посвящена анализу истории культуры Урала как явления российской региональной культуры. Рассматриваются основные характеристики региональной культуры, предложен ее теоретико-культурологический анализ, в ходе которого раскрываются логика, характер и особенности исторического развития культуры Урала, ее вписанность в общероссийский и мировой контекст. Также в работе представлена методика изучения и преподавания культуры Урала. Монография предназначена для культурологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Уральского региона. В оформлении обложки использованы фотографии из личного архива авторов.

ISBN 978-5-5321-0470-9

© Мурзина И. Я., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Введение	5
Глава 1. «Регион»: теоретические подходы к описанию явления	9
Глава 2. Региональная культурология в России: от становления к обретению предметного поля	17
Глава 3. Культура как интегратор регионообразующих факторов	24
Глава 4. Урал как региональная культура: основные этапы истории	28
Колонизация Урала в XVI–XVII вв.	29
Христианизация края	31
«Вертикали» и «горизонтالي» культурного мира	33
Культура горнозаводского Урала	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Введение

Изучение региональной культуры отвечает потребности анализа одной из ключевых проблем современности: необходимости осмыслить исторически сложившееся единство национальной культуры, осознать ее как сложную систему, специфическое единство многообразия, включающее в себя неповторимый облик каждого из составляющих его элементов.

История уральской культуры – яркий пример становления и развития региональной культуры. Являясь составной частью культуры России, она, вместе с тем, представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями и логикой развития. В этом выражается одна из специфических особенностей исторического пути российской культуры.

Культурное пространство России, с точки зрения ее топологии, в сопряженности с существующими географическими представлениями и образами, стремится предстать не в виде суммы разрозненных культурных феноменов, но как система взаимосвязанных, закономерным образом взаимообусловленных элементов.

Роль и статус регионов в истории и современной России представляется необходимым рассмотреть в контексте региональной стратификации культурного пространства страны. Выделение регионов в качестве структурообразующих элементов внутрироссийского культурного пространства имеет особый смысл еще и потому, что в силу российской специфики многие из регионов могут рассматриваться как отчетливо очерченные (хотя и внутренне неоднородные), относительно самостоятельные культурные пространства.

Внутрироссийское культурное пространство может быть рассмотрено как феномен, образованный взаимодействием регионов в качестве культурных реальностей, а место каждого из «региональных» пространств может быть определено через его отношение к другим культурным пространствам. Их взаимные диспозиции, отношения со столицей могут быть рассмотрены как элементы, образующие структуру культурного пространства страны в целом.

Историческое развитие России с конца XVI в. было тесно связано с расширением страны на восток: за полвека русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до Тихого океана свыше семи тысяч километров – территорию, примерно равную по площади европейскому континенту. Тем не менее, даже в 1721 г., после того, как вся страна вплоть до Тихого океана стала официально именоваться Российской империей, ее продолжали воспринимать как состоящую из двух частей – Европейской России и Сибири.

То, что собой представляло внутрироссийское пространство в XVIII–XIX вв., и то, как оно воспринимается сегодня, имеет существенные различия. Важно понять, что центральное ядро будущей империи успело сложиться в политическом, этническом, культурном отношении прежде, чем вслед за походом Ермака и присоединением «Сибирской земли», оно начало стремительно разрастаться. С точки зрения истории формирования, структуру внутрироссийского пространства можно схематично представить в виде исторически сложившегося ядра – Центральной России – с присоединенной к нему огромной территорией.

Следы этой двойственности легко обнаруживаются даже в современном историческом сознании. Скажем, события конца XVI–начала XVII вв. (смерть Ивана Грозного, династический кризис, Смутное время, когда под угрозой оказалось существование русского государства) и присоединение Сибири – настолько значительны для судеб страны, что они кажутся составляющими содержание разных этапов отечественной истории. На деле же они совершались почти одновременно.

С другой стороны, процесс колонизации обычно рассматривается с точки зрения расширения границ государства и распространения русской культуры. Недостаточно понятым остается социокультурный смысл «прирастания России Сибири».

Именно на осваиваемых территориях русская культура сталкивается с новыми для себя условиями существования – природно-географическими, хозяйственно-экономическими, этнокультурными. Процесс адаптации русской культуры и ее взаимодействие с культурами коренных народов приводит к формированию специфической ситуации. Происходящее, в конечном итоге, обусловили изменения и развитие русской культуры в целом.

Историк В. Ключевский утверждал, что колонизация есть «основной факт» русской истории. Следствием присоединения Сибири стала трансформация России в евразийское государство, многонациональное, многоконфессиональное, мультикультурное по своему составу. С этого времени регионализм становится постоянно действующим фактором внутреннего развития страны.

В последние десятилетия возрос интерес к региональной специфике, появились многочисленные исследования, посвященные феномену регионализма, его геополитической и социально-экономической составляющим.

Регион как единица целой страны может быть рассмотрен не только в политическом или административном смысле, но и как «ментальная конструкция», т. е. как представление о конкретном, географическом и культурном пространстве, закрепленное в сознании людей. В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства можно проследить, каким образом происходит его «выделение» из общего мира национальной культуры; как постепенно на единой территории России, в единых административных границах русского государства, людьми, осознающими свое единство с центральной Россией, возникают особые формы культурной жизни.

Фактически формируется и начинает существовать, постепенно выделяясь из общего мира русской культуры, но, не порывая с ним, особая культура – региональная. Но достаточно длительное время носители этой культуры не осознают ее как нечто особенное. В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего одновременно и внутри национальной культуры, и наряду с ней.

Под региональной культурой мы понимаем специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей, продуцирующую определенный тип личности.

Уникальное местоположение Уральского хребта между двумя основными очагами мировых цивилизаций – Европой и Азией, создавало возможность для постоянного взаимодействия Востока и Запада; разнообразие природно-географических условий Урала приводило к пестроте культурно-хозяйственных укладов, возникших здесь еще в эпоху неолита и оказавших воздействие на весь дальнейший ход исторических событий.

Петровская индустриализация на несколько столетий превратила Урал в промышленный анклав внутри крестьянской страны. Здесь складывалась своя горная система управления, формировалось особое сословие мастеровых. Специфические черты имела и духовная жизнь края.

Всероссийское и мировое признание Уралу принесли камнерезное и ювелирное искусство, кушвинское и каслинское чугунное художественное литье, суксунские изделия из меди, златоустовская гравюра на стали, нижнетагильская роспись по металлу, строгановская и невянская иконопись. Неповторимый архитектурный облик уральских городов-заводов, самобытный горнозаводский фольклор, духовные традиции допетровской Руси, в том числе и привнесенные старообрядцами, вплетенные в логику промышленного развития региона, – все это дает основания говорить об Урале как особом географическом пространстве со специфическими формами социальной и культурной жизни.

Утверждающийся сегодня в науке взгляд на уральскую культуру как относительно самостоятельный феномен внутри российской культуры позволяет увидеть ее в широком социокультурном контексте как явление, обусловленное всей системой хозяйственно-социальных

связей, сложившихся в крае, условий и способов жизни уральцев, особенностей духовной атмосферы; дает возможность выявить внутреннюю целостность и единство региональной культуры, воплощающих специфически уральское мироощущение; описать ее качественные стороны как явления, обладающего системными свойствами; обнаружить присущие ей механизмы и закономерности развития; проследить логику ее исторического пути.

Модернизационные процессы, разрушение традиционного уклада жизни в начале XX в. и особенно революционные потрясения по-своему отразились на развитии уральской культуры, наложив свой отпечаток на ее судьбу. В 20–30-е гг. XX в. в период так называемой индустриализации произошел решительный переворот в истории и культуре Урала. В это время меняется не только технологическая основа существования, промышленная специализация и социальный состав населения, но и весь культурный облик, включая изменения типа личности уральца. Это дает основания говорить о формировании новой культурной традиции советского Урала.

В 90-е гг. XX в. происходит новый всплеск интереса к уральской истории и культуре, осмысливается характер региональной идентичности, восстанавливаются связи современной культуры с культурой горнозаводского Урала в поисках внутренней опоры развития региона как субъекта Российской Федерации.

После распада СССР и утраты прежней государственно-идеологической основы обнаружилось, что прежнее единство России было во многом формой преодоления реального многообразия образующих ее регионов и национальных территорий. Утрата прежнего представления о единстве страны, неопределенность образа целого, потеря регионами своего прежнего места внутри общероссийского пространства спровоцировали начавшийся кризис регионального самосознания. Поставленные перед необходимостью самоопределяться в условиях начавшихся реформ, в условиях ослабления центральной власти и усиления процессов дезинтеграции в стране, российские регионы в поиске новой идентичности, стратегии внутреннего развития пытались найти опору в собственном историческом прошлом, в местной истории.

«Регионализация» России 1990-х годов, последовавшая за этим борьба за возвращение значения и роли центральной власти заново поставили вопрос о том, что собой представляет внутрirosсийское пространство. В изменившихся внутрirosсийских условиях реакцией на усиление центробежных тенденций 1990-х гг. стало выдвижение на первый план в качестве первоочередной задачи по укреплению единства страны, что нашло свое конкретное оформление в виде курса на усиление «вертикали власти», повышение «управляемости» регионов. В практической политике это получило свое выражение в создании системы федеральных округов, укрупнении регионов, усилении централизации.

На самом деле, внутреннее единство страны обеспечивается не только укреплением политической и административной власти федерального центра, но и развитием регионов, опирающимся на усиление центростремительных тенденций во внутрirosсийском пространстве. Плодотворность и конструктивный характер данного процесса будет очевиднее при условии того, что становление российских регионов как субкультурных пространств акцентирует связь каждого с единым целым страны.

Цель данной работы: представить уральскую региональную культуру как составную и неотъемлемую часть общероссийской и мировой культуры.

Задачи данной работы: раскрыть развитие региональной культуры на примере Урала как процесс, обладающий своей логикой и закономерностями, обусловленный внешними (политики, влияния столичной культуры) и внутренними (природно-географическими, социально-экономическими, историко-культурными, этническими, религиозными) факторами; выделить основные этапы ее развития и охарактеризовать их содержание; предложить методику ее изучения в системе образования.

Главы 1, 2, 3, 8, 10 написаны И. Я. Мурзиной; главы 5, 6, 7 – А. Э. Мурзиным; Введение, главы 4, 9, Заключение – в соавторстве.

Глава 1. «Регион»: теоретические подходы к описанию явления

Для описания современной социокультурной ситуации используется довольно объемный понятийный аппарат. Сложность социальных систем, многообразие их связей требуют и многообразия дефиниций. Особую сложность приобретает анализ современных процессов глобализации и регионализации. Основные тенденции современного мира невозможно рассматривать вне этой логики. Однако именно здесь разнонаправленность устремлений исследователей, множественность трактовок понятий зачастую затемняет понимание процессов. Слишком широкое использование терминов требует уточнения понятий.

В эпоху глобализации процессы интеграции и дезинтеграции социальных групп, государств, межгосударственных образований приобретают особую актуальность. Множество возникающих сегодня проблем прямо или косвенно указывают на то, что мир не до конца определился в своем движении. Одним из свидетельств нам видится противопоставление интересов глобальных региональным и локальным. Очевиден тот факт, что пренебрежение интересами отдельных регионов, местных сообществ не только не ведет к единству мира, но, напротив, вызывает вполне естественную реакцию – стремление сохранить свою уникальность, подчеркнуть самодостаточность, вплоть до максимальной изоляции от мировых процессов. По сути, мир столкнулся с реальной проблемой существования множественности в единстве, с осознанием ценности разнообразных путей и способов существования различных социальных систем.

Глобальные тенденции, характеризующие развитие современной цивилизации, касаются по преимуществу проблем техники, технологии, универсализации экономической жизни. Под термином «глобализация» обычно понимается «превращение мировой экономики из суммы национальных экономик, связанных потоками товаров и капитала, в единую производственную зону и единый рынок, в котором свободно перемещаются капиталы, товары и услуги»¹. К этому нередко добавляют унификацию законодательных положений, регулирующих международные экономические отношения, и складывание относительно единого культурного пространства.

Процессы глобализации ее приверженцы называют необратимыми и неизбежными. Следуя логике тотального экономизма, они утверждают, что складывающаяся сегодня глобальная экономика породит глобальную культуру, что именно это и является целью человечества. Мир должен осознать свое единство, сознательно выбирая путь «глобального человечества». Процессы глобализации, таким образом, являются закономерным этапом развития человечества, следующим за модернизацией.

Критики глобализации выдвигают не менее убедительную аргументацию. Так, И. Валлерстайн, один из наиболее серьезных современных аналитиков, рассмотрев ситуацию мир-экономики 70-90-х гг. XX в., обращает внимание, что идеи «развития», технической модернизации различных обществ не привели к сколько-нибудь утешительным результатам, напротив, рационалистические идеи, лежащие в ее основе, переживают кризис. Равенство, на котором строились «концепции развития» (равенство понималось в различных плоскостях – как равенство возможностей технического развития, формирования политических систем и пр.), оказалось почти фикцией, поскольку в действительности мир полон «глубокого неравенства»².

¹ Широков Г.К. Облик будущего мира // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб: Алетей, 2000. – С. 189.

² См. подробнее: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. – СПб.: «Университетская книга», 2001. – С. 208–226.

Процессы, которые происходят в современном обществе, – следствие того развития, которое прошла мир-экономика с XVI в.: либерализм, суверенитет, модернизация – знаки на пути мира, шедшего к неизбежному единству. И понятие «глобальная культура» является логичным следствием этих процессов.

В докладе, прочитанном на конференции «Новые культурные образования в век транснациональной глобализации» (Academia Sinica, Тайвань, 6–7 октября 2001 года), И. Валлерстайн рассмотрел «плюсы» и «минусы» глобальной культуры. Анализируя ситуацию, сложившуюся в мире конца 1990-х гг., ученый противопоставляет две тенденции: признание универсальных ценностей (ценности суверенитета наций и прав человека) и ценностей «местных культур». Он полемически провозглашает: «Мы все знаем, какой разной жизнью живут люди в разных частях мира и в какой мере им ежедневно приходится реагировать преимущественно на требования своих местных "культур". Глобальные культуры, о которых я говорил, вероятно, неизвестны значительному большинству населения планеты, и вряд ли они имеют хоть какую-нибудь значимость даже для высокообразованного меньшинства, осведомленного с их постулатами. То же самое наблюдается и в средоточии защитников универсальных норм, в организациях, созданных для их поддержки и пропаганды»³.

Сама постановка проблемы о возможности универсальных форм культуры еще раз обращает внимание на разнокачественность и разновекторность современного мира, заставляет задуматься, какой ценой адепты глобализации стремятся реализовать свои планы и что это, в конечном счете, несет человечеству.

Возможен ли компромисс между глобальными и локальными тенденциями современного мира, покажет время. Современная ситуация свидетельствует лишь о том, что созданная и спроецированная на весь мир система (ее можно назвать универсальной моделью развития) находится в состоянии глубокого кризиса. И кризис этот не только и не столько экономический, сколько духовный: это кризис основ, на которых зиждилась мировая система последние несколько веков. Проблема расширения или сужения рынка сбыта товаров и услуг заставляет искать ответа на более существенный вопрос: насколько возможно тиражирование одних и тех же «жизненных стандартов» и не приведет ли это к унификации мира?

Ценностная составляющая кризиса (разочарование в либеральных ценностях, демократизации, рационалистических формах хозяйствования) заставляет обратиться к культуре как аксиологической системе, вновь требует осознания ее роли в создании и утверждении человеческого образа мира. При этом акцент делается на противопоставлении «цивилизации» (стремящейся к объединению и универсализации системы) и «культуры» (разъединяющей людей по различным ценностным основаниям).

Высказываются опасения о возможности стирания культурных различий, что может привести к утрате или даже гибели уникальных культурных миров. За фразеологией политиков в данном случае стоит вполне обоснованная опасность за судьбы культуры, которую понимают как необходимое условие существования человека и всего человечества. Лозунг «Иной мир возможен», выдвинутый антиглобалистами на Всемирном социальном форуме в Порту-Алегри (Бразилия, январь 2002 г.), демонстрирует желание обрести другие (вероятно, не только экономические) основания для обустройства мира. Делаются попытки осознать ценностную основу этого «иного» мира, опирающуюся на признание ценности множественности культур, присутствующих в мировом пространстве и, следовательно, множественности путей для развития⁴.

³ Цит. по опубликованному в Интернете докладу: Валлерстайн И. Глобальная культура: спасение, угроза или миф? – Доклад прочитан на конференции «Новые культурные образования в век транснациональной глобализации», Academia Sinica, Тайвань, 6–7 октября 2001 года. // <http://old.politstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm>

⁴ Проблемы культуры для антиглобалистов, как нам кажется, находятся на периферии их размышлений. На первый план выходит обсуждение экономических реалий современного мира, связанных с долгами «стран третьего мира», их тотальным

Противовесом глобальным тенденциям называют *регионализацию*. Проблемы глобализации и регионализации в большей степени рассматриваются как общемировые тенденции, связанные с развитием макросистемы. Единство мирового экономического пространства и неизбежная дифференциация стран все чаще заставляют рассматривать глобальные тенденции как неизбежность, с которой необходимо считаться, которую необходимо учитывать при анализе современного состояния отдельных государств и в долгосрочных прогнозах социально-культурного развития.

Во второй половине XIX в. в Европе регионализм возникает как независимое движение, противостоящее глобальным тенденциям и унификации общественной жизни, что подталкивало к созданию автономных образований внутри складывающихся государств. Идея создания «Европы регионов», пришедшая на смену «Европе национальных государств» (или, если воспользоваться термином де Голля, «Европе отечеств»), на наших глазах приобрела вполне реальные очертания. В 1988 г. Европарламент принял так называемую «Хартию регионализма», которая декларировала, что формирование Европейского союза обязательно включает в себя демократическое представительство регионов с закреплением за региональными и местными властями функций, необходимых для их активного участия в создании политического, экономического и социального единства Европы. Хартия сформулировала курс не только на сохранение региональных автономных образований, но и на их развитие и вовлечение в построение и функционирование Союза.

Европейский союз, чья деятельность получила дополнительную определенность после подписания Маастрихтского договора (1992), выступил не только движущей силой новых процессов, но и регламентировал ее. Так, в частности, был создан Комитет регионов «для регулирования решения специфических проблем» земель (ФРГ, Австрия), кантонов (Швейцария), территорий (Франция, Испания, Великобритания). Регионализм понимается здесь как совокупность регионов страны (географически локализованных общностей), обуславливающих ее разнообразие.

Возникшее в научной и публицистической литературе понятие «Европа регионов» фиксирует не только кризис государства-нации в эпоху глобализации экономики развития интеграционных процессов, но и тенденций к созданию субэтнических регионов, возникших в ходе административно-территориального деления и трансграничного сотрудничества⁵.

Идя от изначального понимания слова «регион» (от лат. *regionalis* – местный, областной), аналитики исследуют территориальный фактор, играющий значительную роль при обращении к широкой социально-территориальной общности. В данном подходе понятия «район» и «регион» – синонимы, характеризующие отношение к территории (области, стране, группе стран). В этой логике регионализм – «это определенный угол зрения, важный для понимания страны»⁶, а региональный анализ означает «исследование вопросов размещения экономической системы на территории государства (или в мире) с точки зрения разделения этой территории на отдельные районы (регионы)»⁷, связанный с пространственным анализом экономики с точки зрения размещения производства, экономических связей и т.п., и лежит в основе таких наук как региональная экономика, география, геополитика.

Исследователи при этом констатируют, что само понятие «регион» является многоуровневым: «Это – город и его округа; район и его области; края, республики, автономные округа; государство и его районы; международное регионально сообщество и входящие в него госу-

обнищением, взаимоотношениями с транснациональными корпорациями и мировыми финансовыми институтами и пр. Особое место, в связи с выше перечисленными проблемами, занимает работа антиглобалистских неправительственных организаций, различных социальных движений.

⁵ См. подробнее: Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. – 1999. – № 5. – С.155–164.

⁶ Бусыгина И.М. Регионы Германии. – М.: РОСПЭН, 2000. – С. 4.

⁷ Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С.1123.

дарства, крупные регионы мирового сообщества (Азиатско-Тихоокеанский, регион стран СНГ и т.д.)»⁸. Однако эта многоуровневость касается, прежде всего, пространственных различий и связывается с системами местного управления данными территориальными образованиями (примерами такой трактовки служит анализ формирования муниципальных образований в отдельных странах, развитие культурно-национальных автономий, появление независимых государств).

Применительно к современной Европе можно говорить о создающейся сложной структуре управления: наднациональный уровень которой связан с существованием единой Европы, национальный – с отдельными государствами, и более частными структурами – регионами и местным самоуправлением.

Таким образом, отождествление понятий «регион» и «территория» позволяет исследовать, прежде всего, проблемы управления отдельными частями отдельных стран, возникающими в русле общих процессов либерализации. Такая трактовка понятия «регионализация» довольно точно отражает сложившуюся систему взаимоотношений между странами одного региона, где проблемы управления и социально-экономического развития не нивелируют особенностей культурного развития, а, напротив, стремятся их учитывать.

В уже упоминавшейся «Хартии регионализма» сформулированы признаки, по которым регион можно рассматривать не только как физико-географическую, структурно-управленческую и хозяйственную общность, но и как единство этнических, языковых, религиозных особенностей народов, объединенных общим историческим прошлым. Вводя в понятие региона «культурную составляющую», можно тем самым расширить самое понимание регионализма, дифференцируя территории не только по внешним признакам, но и по глубинным основаниям (например, общности исторической судьбы)⁹.

За последние два десятилетия произошли существенные изменения в отношении к регионализму, сложившемуся в предыдущий период, когда в его контексте рассматривалось социокультурное развитие отдельных территорий в рамках национальных государств. В реальной жизни процесс пошел в другом русле: тенденции регионализации в современной Европе все больше сопрягаются с политической децентрализацией, развитием националистических движений, сепаратизмом. Под вопросом оказывается дальнейшая реализация проекта «Единая Европа».

Выход Великобритании из ЕС (Brexit) обнаружил, что сепаратистские настроения в Шотландии никуда не исчезли, несмотря на поражение сторонников независимости в референдуме 2016 года. Власти Испании посчитали незаконным референдум по вопросу о независимости Каталонии (октябрь 2017), на котором более 90% от числа проголосовавших высказались «за отделение». Политологи рассматривают возможные сценарии отделения Корсики от Франции или Северной Италии от Южной, появления вместо Бельгии «независимых» Фландрии, Валлонии и города-государства Брюссель. Все заметнее сепаратистские тенденции в Баварии, Южном Тироле, на Аландских островах.

Неоднозначность оценки данных процессов заключается в том, что, с одной стороны, европейские политики выступали с предложением преобразования ЕС в «Европу регионов», о чем говорилось на заседаниях регионального парламента – Комитета регионов, в состав который входят представители 350 регионов всех 28 стран – членов ЕС, с другой, Евросоюз должен защищать территориальную целостность своих членов и существование национальных государств, что закреплено в договорах ЕС.

⁸ Белова В.Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 57.

⁹ Такой подход осуществлен, в частности, в работе И.М. Бусыгиной «Регионы Германии», посвященной проблеме «культурного федерализма» одной из европейских стран.

Возникает острая потребность в нахождении баланса между дальнейшей регионализацией и сохранением единства как отдельных государств, так и Европы в целом. Это предполагает новую концептуализацию самого понятия «регионализм» на современном этапе.

Проблема паритета глобальных, региональных и локальных тенденций характерна не только для всего миропространства, она все более выходит на первый план при обращении к современному состоянию отдельных стран, мультикультурность которых исторически обусловлена. Особенную актуальность эти вопросы приобретают в ситуации перехода или трансформации общественных отношений.

При анализе микроуровня мир-системы (в рамках одной страны) проблемы глобализации и регионализации могут быть интерпретированы в контексте проблемы единства страны, состоящей из множества не похожих друг на друга регионов, областей, национальных республик. Именно в таком ракурсе можно рассматривать ситуацию, сложившуюся в России последнего десятилетия.

Если обратиться к географическому пространству России, то становится очевидным, что мы имеем дело, по сути, с микромоделью мира: различия между отдельными составными частями Российской Федерации носят природно-географический, экономический и этнокультурный характер.

Само понятие регионализации РФ увязывают с постепенным перераспределением ответственности «от центра (федерального уровня власти) к региональному уровню и далее к местному самоуправлению, что сопровождается резким обострением противоречий между существующей организацией управления регионами и новыми требованиями к ней»¹⁰. Регион рассматривается как составная часть федерации как формы государственного устройства.

Рассматривая регионализм как систему административной децентрализации, можно было бы говорить об одной из форм территориально-административного деления государства, если бы не разгорающиеся каждый раз с новой силой баталии, связанные с болезненной проблемой «разграничения властных полномочий субъектов РФ», чреватых новыми «парадами суверенитетов». Именно представление о «независимости» региона от целого, связанное с использованием региональных ресурсов (от природных до производственных) и проблемами «власти», приводят к тому, что у слова «регионализм» сложилась явно негативная семантика, его нередко путают с «сепаратизмом», угрожающим распадом страны и утратой ее целостности.

В «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» (1996) практически отождествляются понятия «регион» и «субъект Федерации». Понимая под субъектом некое образование, чья деятельность направлена на изменение или развитие условий существования внутри большого федеративного государства, скорее акцентируются проблемы правового регулирования взаимоотношений «части» (субъекта Федерации – региона) и «целого» (российского государства). Современное административное деление России на области, республики, объединенные в федеральные округа с учетом сугубо административно-территориального основания, также обращает к пониманию региона как подсистеме хозяйствования и политического устройства, организованной на определенной территории.

В утвержденных Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года наряду с понятием «регион» (территория в границах субъекта РФ) вводится понятие «макрорегион» (часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-эконо-

¹⁰ Попов А.В. Административно-территориальное управление и новая политическая роль регионов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 5. – С.259.

мического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования). Обе категории акцентируют прежде всего характер социально-экономических связей, определяющих роль субъекта Федерации как хозяйственного субъекта.

Если ранее макрорегионами называли Дальний Восток и Северный Кавказ, то в доработанной Минсистерством экономики РФ «Стратегии пространственного развития» выделяются еще 12 макрорегионов и закрепляется представление об их экономической специализации¹¹.

Вариантом такого подхода является представление о регионе как о месте действия субъектов геополитики, связанном с геополитическими стратегиями развития мировых систем. В этом случае понятие «регион» не коррелирует ни с географическими, ни с политическими границами. Его рассматривают лишь в качестве «фактора ситуации»: «Регион понимается как центр действия и уравнивания, где обстоятельства мира вовлекаются, дабы быть рационализированными в качестве фактора ситуации»¹².

Подобная «факторная» оценка, на наш взгляд, нивелирует представление о пространстве как о закреплённом на географической карте месте жизни конкретных людей и различных этнокультурных систем.

Понимание ценности природной среды для формирования определенного типа культуры, характерного для конкретной территории, заставляет искать новых подходов к исследованию региона и феномена регионализма. Наиболее плодотворными становятся междисциплинарные исследования, рассматривающие регион как систему, возникшую в результате взаимодействия различных сторон и условий общественной жизни на данной территории. Насущный характер приобретает осмысление специфики существования регионов, рассмотрение их связей с единым целым и друг с другом, понимание особенностей этнокультурного своеобразия, типа личности, форм самопроявления человека в определенных природно-географических условиях.

Такая трактовка лежит в основе концепций гуманитарной географии. Сфера гуманитарной географии, как ее определяют современные исследователи, находится в тесной связи с проблематикой культурологии. Так, Е. Ковалев пишет: «Понятие гуманитарной географии шире, чем социально-экономическая география, поскольку включает еще и политическую географию, этногеографию, географию культуры и культурных ландшафтов, географию религий, медицинскую и рекреационную географию»¹³. Это не только расширяет сферу собственно географических исследований, но позволяет обозначить одно из важных направлений целостного гуманитарного подхода к явлениям социальной жизни. Необходимость «гуманитарного», а точнее – «культурного», подхода к географической среде позволяет осознать регион как особое единство политических, социальных, культурных, этнических связей.

В то же время отметим, что проблема регионализации страны носит не столько административно-территориальный, сколько социально-культурный характер. Осмысливая различия регионов и отмечая общность их судьбы, мы тем самым можем приблизиться к новому пониманию, что есть Россия сегодня (и, возможно, найдем другие решения сложных и зачастую конфликтных ситуаций внутрироссийского развития).

Особое место при таком подходе занимает изучение регионообразующих факторов. Наряду с традиционными знаниями о географических и климатических условиях, изучением природных ресурсов, проблем демографии и заселенности определенных территорий, среди регионообразующих факторов все большее значение приобретают этнокультурные факторы,

¹¹ Россию делят на четырнадцать // Газета «Коммерсантъ». – 2018. – 28 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3724754>

¹² Казарян Л.Г. По ту сторону системы координат (мирополитические и мирохозяйственные процессы через призму западной геополитики) // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб: Алтейя, 2000. – С.122.

¹³ Ковалев Е.М. Гуманитарная география России. – М.: ЛА «Варяг», 1995. – С. 4.

анализ культурных реалий, связанных с историческим прошлым, с одной стороны, и «вписанностью» региона в общий контекст развития страны и мира, с другой. Таким образом, в современной российской социокультурной ситуации актуальным становится рассмотрение проблем, связанных с регионализацией, в контексте развития культуры.

В нашей работе мы будем понимать *регион* как целостное геокультурное пространство, со своими природно-географическими и историко-культурными реалиями.

На протяжении достаточно длительного времени регион был объектом исследования в разных науках (географии, истории, этнологии, культурологии, политологии, социологии и др.). Сегодня возможности региональной аналитики видятся по-новому: внешние характеристики региона должны сочетаться с глубокой саморефлексией. Как отмечает В. Каганский, сегодня речь должна идти о региональной герменевтике, постижении культурных, идеологических и политических контекстов и смыслов, столь разнообразно представленных в современном мире.

Вероятно, мы находимся на пути осмысления региона как ценностной категории, где интерпретация региональной истории и современного бытия будут тесно связаны с личностью воспринимающего-интерпретатора, скорее переживающего и понимающего, нежели знающего и объясняющего. Погружение в культурно-историческую традицию должно дать исследователю возможность осознания глубинных основ исследуемого феномена, «выстраивание» фактов истории и современности должно привести к постижению «смыслов региона», а осознание системы ценностей разных исторических эпох может помочь в оценке своеобразия его развития.

В логике герменевтического анализа особое место занимает личность интерпретатора, его способность к реконструкции исторических реалий развития региона, его ценностных ориентиров, его способности быть «настроенным» на постижение смыслов и значений. Попытки такого подхода к описанию культуры существуют. Вспомним работы Г. Гачева, посвященные национальным образам мира. Попытка проникновения в инокультурную среду, стремление осознанно и рефлексивно отнестись к «образу» конкретной инокультуры, закреплённой в сознании современного россиянина, через воссоздание системы ценностей «другого мира», через его символы и знаки демонстрирует продуктивность такого анализа. Можно вспомнить и попытки другого рода (условно объединённые под названием «понять Россию»), где авторы различных национальных принадлежностей стремились «разгадать тайну» нашей страны (Д. Биллингтон, И. Берлин и др.). Опыты саморефлексии также хорошо известны: в трудах русских философов XX в. довольно детально рассматриваются онтологические проблемы России, делаются попытки понимания и осознания ее судьбы (см., напр., работы В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского или работы современных авторов В. Кожина, А. Панарина¹⁴).

Насущной проблемой современной науки видится необходимость осмысления локальных целостностей. И в том числе в логике предложенных в качестве возможных подходов герменевтики и «понимающей философии».

Сегодня мы находимся только в самом начале осмысления и апробации новых подходов в регионалистике. Реальные события, произошедшие на протяжении исторического развития отдельной страны или территории, причины, их обусловившие, артефакты, в которых воплотились те или иные идеи и т.п., давно и прочно стали объектами пристального изучения ученых. И если опыт описания инокультуры и или культуры страны в целом в литературе присутствует, то обращение к специфике отдельных регионов России находится в стадии становления.

¹⁴ Различные социально-политические ориентации исследователей могут служить еще одним доказательством сложности поднимаемых проблем и их тесной связью с личностью интерпретатора.

В настоящее время стоит новая задача, используя накопленный опыт, применить его для анализа региональной проблематики в современной России. Сложность поставленной задачи усугубляется тем, что если национальные культурные общности, проживающие на территории Российской Федерации, в той или иной мере изучались, то регионы, особенно заселенные по преимуществу этнически русским населением целостному анализу практически не подвергались. Во многом это объясняется тем фактом, что «локальные историко-территориальные образования, обладающие ярко выраженной локальной специфичностью», всегда акцентировали «собственную принадлежность к российскому государству»¹⁵ и не воспринимались как нечто самодостаточное и обладающее самостоятельной ценностью. В то же время необходимость изучения отдельных составных частей России диктуется реалиями сегодняшней жизни.

¹⁵ Косач Г. Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями // Реальность этнических мифов. / Под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2000. – С.78.

Глава 2. Региональная культурология в России: от становления к обретению предметного поля

В настоящий момент региональная культурология в России находится в состоянии становления и определения собственного проблемного поля. Постулируется, что данное научное направление занимается исследованием региональных особенностей социальной, экономической, культурной, политической жизни отдельных территорий, входящих в более общие целостности – национальные культуры.

Однако нет надлежащей рефлексии над методологическими процедурами данного научного направления, недостаточно обоснована дифференциация региональной культурологии, исторического краеведения, этнопсихологии, использующих в качестве объектов исследования одни и те же феномены.

Сегодня можно говорить о складывающихся двух направлениях исследовательских дискурсов в региональной культурологии: региональной культурологии зарубежных стран и региональной культурологии России. Особый интерес, на наш взгляд, имеет именно второе направление. Это связано с реалиями, с которыми страна и ее регионы столкнулись на протяжении последних десятилетий.

В современной культурологии особое место занимают работы, связанные с осмыслением специфического характера культуры, ее противоречивого единства. Воссоздавая образ мировой культуры, исследователи сталкиваются с разнокачественными и противоречивыми явлениями, находящимися в сложном взаимодействии – взаимного влияния, притяжения или отталкивания.

На протяжении XIX–XX вв. делались множественные попытки осмыслить логику развития мировой истории культуры: линейные, не учитывающие специфику культур разных народов (т.н. «теории прогресса», европоцентристские по своей сути); «циклические», опирающиеся на представление о замкнутости и непроницаемости культур (О. Шпенглер); синергетические, связанные с представлением о культуре как о саморазвивающейся системе (М.С. Каган). Интерес представляют исследования, обращающиеся не к стадийному развитию культур, а к их типологии. В этой логике мировая культура рассматривается одновременно как целостность (единство всех существовавших, существующих или будущих культур) и дискретность (то, что Н. Данилевский называл культурно-историческими типами, а А. Тойнби – самозамкнутыми дискретными культурно-историческими единицами). Продуктивность такого рода исследований очевидна, поскольку опирается на реальную множественность культур, присутствующих в едином пространстве мировой культуры. Это разнообразие форм, видов и типов культур обусловлено различными факторами: географическими, историческими, этническими, религиозными, социально-экономическими, политическими.

Сложность описания феномена мировой культуры кроется в его известной двойственности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их сосуществования. Мегауровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезоуровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультурными различиями, возникающими на разных исторических ступенях развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их.

В рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в противоречия или сглаживая их, различные культурные миры, с особыми этническими

историями или конфессиональной принадлежностью. Говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением–отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разнонаправленностью ценностных ориентаций.

В научной литературе вопрос о региональных различиях имеет большую историю: от анализа регионализма в истории (Е. Storm) или рассмотрения «старого» и «нового» регионализма в контексте экономических проблем (М. Е. Burfisher, S. Robinson, K. Thierfelder) до частных вопросов региональной культурного наследия, становящихся основой для привлечения туристов в страну (Т. Cuccia, R. Cellini). И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Обращаясь к культуре России, нужно выделить несколько плоскостей исследования, в современной социокультурной ситуации приобретающих особую актуальность: Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрение проблем межкультурной коммуникации), Россия как многоконфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований, традиций, культурных практик), Россия как общее пространство для жизни представителей многих народов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве).

Доминантой анализа в любой из названных плоскостей становится представление о единстве многообразия, о необходимости преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, о ценности каждой культуры, возникшей на территории огромной страны. Представление о культуре России как сложной гетерогенной системе тесно связанных между собой элементов приводит к тому, что ее можно описать как исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития. Исследование региональной специфики имеет свою историю. Процессы регионализации, происходящие в разных странах мира, становились объектом изучения в политической, социологической, исторической, философской литературе.

В последней трети XX в. к проблемам регионализации обратились геополитики, социологи и экономисты, поскольку данный феномен тесно связан с глобализацией и происходящими в связи с этим изменениями в социально-политической и экономической сферах. Особое место в исследованиях регионализма занимают вопросы политического устройства отдельных территорий (вопросы федерализма), получившие дополнительный толчок в связи с новыми политическими реалиями (в частности, с распадом СССР, Югославии, созданием Евросоюза, сложными миграционными процессами). В науке утверждается термин «региональный вызов», связанный с множественностью возможных политических дискурсов, равной возможностью прямо противоположных разрешений, сложившихся и складывающихся ситуаций, анализом деятельности региональных политических элит.

В работах российских авторов (А. Сергунина, В. Долгова, В. Алексеева, А. Рыжкова, Ю. Голика и других) утверждается связь проблем регионального развития с проблемами политико-административного развития страны. Не отрицая продуктивности такого рода исследований, отметим, что они принадлежат плоскости «прикладной политики» и не рассматривают закономерности развития регионов, констатируя лишь их современное состояние.

Новый уровень анализа региональных систем связан с осмыслением этнокультурных различий. Двуправленный процесс (описание и осмысление этнического разнообразия исследователями, принадлежащими данным этнокультурам, и попытки создания типологических

исследований) обогащают процесс анализа региональной специфики России (неслучайно в связи с этим появившееся определение «Россия как десять стран», отличающихся географически и культурно). Особую актуальность приобретает анализ национальных и конфессиональных отношений в регионах, в том числе и как определенный фактор нестабильности социальной жизни.

Собственно этнологические исследования в очень большой степени носят констатирующий характер, фиксируя этнокультурные различия, рассматривая культуру либо как замкнутую систему, либо сосредоточиваясь на кроссэтнических связях, нашедших свое воплощение в артефактах, способах коммуникации, взаимных оценках представителей различных этнических групп.

Интерес представляют исследования в области этнопсихологии и антропологии. Обращаясь к проблемам «этнической картины мира», «этнических констант» в контексте осмысления специфики традиционной культуры, этнопсихологи фиксируют особенности механизмов этнической самоидентификации, рассматривают адаптационно-деятельностные модели человеческого поведения, анализируют механизмы самоструктурирования этноса (наиболее перспективными направлениями исследований в этнопсихологии становятся междисциплинарные, связывающие собственно проблемы этнологии и психологии с проблемами функционирования культуры).

Такой подход в отечественной науке характерен, в частности, для работ С. Лурье, которая, опираясь на европейскую и американскую традицию, пытается обозначить новые рубежи для науки; единое философско-культурологическое поле составляют исследования этнической культуры как целостности (Ф. Боас), изучение культуры и психологии в комплексе (М. Мид), исследование личностных структур (А. Кардинера, Дж. Уайта), психоаналитическая антропология (Г. Рохейм, Ж. Дерево), исследования национального характера и картины мира в контексте ценностного подхода (К. Клакхон, Р. Редфильд).

Историческая составляющая исследований регионов России в современной науке занимает все более значительное место. И если в прежнее время история как наука тяготела к масштабным исследованиям, связанным с осмыслением макропроцессов (движущих сил истории, истории государств и политических систем), то в настоящее время акцент делается на анализе микросообществ, локальных явлений, входящих в контекст мировой истории необходимым составным элементом. Особое внимание уделяется введению новых фактов, осмыслению истории повседневности, введению в научный оборот новых документов, характеризующих процессы, происходившие в «местной» (локальной) истории. Историко-краеведческие исследования смыкаются с этнологическими, когда происходит осмысление кроссэтнических процессов, обуславливающих специфику развития региона.

Наряду с историографической работой, связанной со сбором материалов, интерпретацией архивных источников и музейных артефактов, делаются попытки осмысления методологии исследования местной истории, акцентируется специфическое понимание региона не столько как «территории», сколько как «микросообщества», совокупности людей, осуществляющих определенную историческую деятельность.

Значимыми становятся исследования локальной истории (А. Байбурын, И. Бьерклунд). Наиболее продуктивными, на наш взгляд, сегодня является изучение разнообразной деятельности людей, проживающих в конкретном регионе: в сфере науки (анализ деятельности научных школ, развивающихся в регионе), образования (развитие региональных образовательных систем), эстетики (специфика художественных практик).

Несколько иной ракурс в исследовании регионов наблюдается в современной географической науке в связи с новым направлением – гуманитарной географией. Работы западных (К. Зауэр, К. Солтер, И. Валлерстайн) и российских исследователей (Ю. Веденин, Р. Туровский, Д. Замятин) позволяют говорить о продуктивности целостного анализа природно-географиче-

ских условий жизни и форм культуры, которые возникают в конкретном пространстве и обуславливают идентичность живущих там людей.

В силу множественности задач, которые стоят перед учеными-представителями различных наук, сегодня мы можем сказать, что для создания целостной картины жизни отдельных регионов страны необходимы междисциплинарные исследования, интегрирующие различные аспекты изучения, опирающиеся на представление о культуре как уникальной форме бытия человека в конкретных историко-географических условиях. Эти исследования находятся в поле региональной культурологии.

С середины 1960-х гг. в отечественной науке проблемы, связанные с изучением культуры, актуализировали такие аспекты, как анализ социокультурных процессов в обществе, осмысление роли и места культуры в формировании личности и социума, связи культуры и природной среды, рассмотрение систем ценностных ориентаций различных социальных групп. В исследовании столь многогранного и сложного феномена, которым является культура, занимал и продолжает занимать ключевую позицию т.н. деятельностный подход, определяющий культуру как совокупность форм, способов, средств и результатов человеческой деятельности. Дополнительным элементом в исследовании культуры в логике данного подхода становится историческая составляющая, позволяющая рассматривать культуру как продукт человеческой деятельности, возникший в определенных исторических условиях.

Изучение культуры как сферы человеческой деятельности велось разными путями, однако на первый план выдвигались проблемы, связанные с содержанием культуротворческой деятельности и характерным для нее свойством быть системообразующим фактором человеческого бытия.

В целом, культуру в русле деятельностного подхода рассматривают как сложную систему взаимосвязанных элементов, представляющих собой исторически сложившуюся естественную целостность, как некий единый мир. В самом общем виде *культура* понимается как система внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность. В определениях культуры акцентируются ее надприродный характер, созданность человеком, механизмы регуляции социальных отношений и поведения. Несмотря на множественность определений и подходов, практически всеми подчеркивается универсальность культуры, ее интегрирующая роль в социальной жизни.

В работах отечественных философов и культурологов А. Ахиезера, Л. Баткина, Г. Гачева, П. Гуревича, Б. Ерасова, М. Кагана, Л. Когана, И. Кондакова, А. Флиера и других предлагаются методологические основы анализа культуры как социально-личностного феномена, акцентируются связи «человек – общество», «мир культуры – мир природы». Сущностно значимым в анализе культуры становится понятие ценности (П. Сорокин), которое лежит в основании культуры и является смыслообразующим фактором ее развития. Для понимания характера культуры, на наш взгляд, важным является исследование типа культуры, особенностей продуцируемого культурой типа личности, аспектов самоидентификации человека в культуре и систем самосознания культуры. Каждый из этих аспектов так или иначе оказывался в поле зрения современной культурологии.

Понятие региональной культуры до самого последнего времени применялось к локальным общностям, живущим на определенной территории, в большей степени – по отношению к культурам зарубежных стран. При этом слово «регион» использовалось в узком значении – «территория, на которой возникла и развивается данная культура» (см. исследования, посвященные культурам Тихоокеанского региона или странам Магриба, Латинской Америки или Тропической Африки).

Рассмотрение региональных культур на территории России первоначально велось в ключе этнологических исследований, скорее фиксирующих сохранившиеся до современности

элементы традиционной культуры отдельных народов. В последнее время появились работы, связанные с обращением к культуре Сибири, Урала, Дона, Русского Севера, рассматривающие отдельные города-мегаполисы – Москву и Санкт-Петербург – как специфические, продуктивные в культурном отношении, феномены. В то же время необходимо отметить, что эти исследования носят разрозненно-разобщенный характер, свидетельствующий о процессе становления новой области научного знания, первоначальный этап которого связан с накоплением материала и первыми попытками его систематизации.

Симптоматичным, на наш взгляд, является исследование региональной художественной культуры. Авторы работ (Р. Боровикова, Т. Бороноева, Л. Зубанова, Т. Булгакова, Н. Костюрина, Н. Кривич, В. Махтина, Х. Тхагапсоев) описывают, феномены, несущие на себе так называемый местный колорит, рассматривают достижения «столичного искусства» на провинциальной почве. При всей ценности таких исследований, они, к сожалению, не выходят на новый качественный уровень, связанный с осмыслением логики развития региона как специфической формы существования локальной культуры внутри культуры страны.

В последнее время появились работы, анализирующие различные аспекты бытия региональной культуры: аспекты микрорегионального типа культуры, связывающие социокультурный и хозяйственно-экологический аспекты ее бытия (Е. Шаповалова), проблему соотношения универсального и идиоэтнического (Л. Даниленко), локальные варианты внутри региональной культуры как целостности (Г. Казакова), вопросы, связанные с архитектурой культурного пространства (Т. Ляпкина). Нами был проведен анализ феномена региональной культуры как особого бытия общенациональной культуры и как самосознания регионального сообщества.

Мы понимаем под региональной культурой – вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Ее отличает наличие своего набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственного типа личности, способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом.

Региональная культура – специфическая форма существования социума и человека, имеющая выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей, продуцирующая определенный тип личности.

В основе осмысления региональной культуры лежит представление о культуре как единстве мира человека и мира социума, по сути, опредмеченного исторического опыта человечества, преломляющегося в конкретном бытии индивидуального мира человека. Опосредующей системой становится социальный мир во всем многообразии его связей (в его историческом и современном бытии, существующий в определенных географически закрепленных координатах). Единство этих миров позволяет описывать культуру как социально-личностный феномен, разворачивающийся в истории.

Поскольку исследование региональных культур в России находится в стадии становления, нам кажется уместным предложить *методику анализа региональной культуры*, которая могла бы стать одним из ключевых элементов становящегося исследовательского дискурса региональной культурологии.

В осмыслении региона как специфического историко-географического пространства необходимо учитывать, как происходит процесс его «выделения» из общего мира национальной культуры. Особую роль начинают играть «адаптивно-адаптирующие» механизмы культуры, действие которых можно обнаружить, если обратиться к историческому опыту отдельных людей и микросообществ. Содержательный анализ географической среды дает материал об адаптации к конкретным природным условиям, выработавшимся на протяжении исторического развития отдельной культурной общности и нашедшем свое воплощение в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; обращение к исторической геогра-

фии позволяет проанализировать феномен межкультурной коммуникации; описание ценностно-нормативной системы, транслируемой обществом индивиду и усваиваемой (или не усваиваемой) им, делает возможным связать воедино «ядро» культуры и его актуальное состояние; обращение к социально-психологическим особенностям личности открывает способы самоидентификации личности и формы ее самоактуализации в конкретной исторической ситуации. Освоение новой территории дает обширный материал, иллюстрирующий механизмы адаптации человека и создания новых форм культуры, обусловленных новыми условиями бытия.

Для описания данного явления введем ряд определений. Прежде всего – понятие *материнской культуры*. Мы будем использовать его как синоним «культуры центрально-европейской России». Другой используемый нами термин – «*региональная культура*». Мы предлагаем использовать этот термин для описания многообразия культур, находящихся внутри единой страны. Региональная культура генетически связана с национальной культурой, соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного.

Для того чтобы сложилась региональная культура, она должна пройти несколько этапов в своем развитии. Первый – это включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область). Вторая – это освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит физическое и символическое включение территории в состав России. «Физическое» – включение территории в административный состав русского государства – предшествует «символическому». «Символическое» – обретение смысла существования людей, связанного с местом их жизни, с представлением о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть «кладовой» природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей, южных, восточных или западных) – приходит позже, тогда, когда люди активно осваивают территорию в ходе практической деятельности и начинают ее осознавать как «свою».

Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, «материнской культуры», с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни. На следующем этапе начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, в организации социальной жизни.

Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, происходит осознание собственной идентичности через принадлежность данной территории. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты тех мест, из которых переселились люди. Этот этап можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре.

Четвертый этап отличается тем, что люди, живущие в конкретной территории, воспринимают ее как свою родину, происходит обретение региона как «смысла-для-себя». Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона региональной.

Следующий этап связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Таким образом, он на этом этапе превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма. Другой формой влияния региона может быть исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в стране в целом.

Интересно, что не всякий регион продуцирует свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры. Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами, что можно обнаружить и в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала).

Региональная культура, таким образом, становится интегрирующим началом жизни конкретной территории, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования.

Изучение регионов сегодня ведется в разных аспектах: в геополитическом (в контексте проблем глобализации и регионализации), в социологическом (анализируется деятельность определенных социальных групп, и прежде всего – политических элит), в историко-краеведческом (описываются специфические особенности жизни в данной территории), демографическом (рассматриваются проблемы расселения населения, размещения трудовых ресурсов, характера и динамики миграций). Становление региональной культурологии в России открывает перспективы изучения регионов целостно, во всем многообразии связей, что, в свою очередь, создает предпосылки для учета особенностей развития региональных культур в экономическом и политическом плане.

Глава 3. Культура как интегратор регионообразующих факторов

Изучение исторического развития и географических особенностей отдельных регионов России в большей степени преломляется в анализ наиболее значимых проблем политики и экономики конкретной территории и относится к сфере складывающейся сегодня внутренней регионалистики, уделяя крайне малое внимание категории региональной культуры.

Обращение к культуре позволяет изменить видение региона, осознать его роль в трансляции ценностей национальной и общероссийской культуры, понять его уникальность и одновременную вписанность в культурное пространство страны и мира, открыть особенности сформировавшегося типа личности, способов коммуникации, форм духовного освоения мира. Делая культуру тем «магическим кристаллом», в котором отражаются все стороны человеческой жизни, можно более глубоко осознать и специфичность современной социальной ситуации, найти наиболее адекватные для населения конкретного региона формы включения в единое пространство России, и тем самым скорректировать пути реформирования страны, сделав их более органичными.

Географы, экономисты, социологи выделяют разнообразные факторы (экономические, политические, социально-психологические, демографические и др.), которые позволяют увидеть регион как целостную систему социальных связей, характерных для данной территории. Однако для того, чтобы это единство состоялось, необходимо, чтобы жителями региона место их жизни было освоено как собственное и значимое, чтобы выработался определенный способ связи с местом жизни, выкристаллизовался определенный тип мироотношения и миропонимания. Таким интегратором социальной жизни конкретного региона становится культура. Она позволяет не только осознать регионообразующие факторы, но наполняет их дополнительным значением.

Географическая составляющая при анализе региона включает в себя описание природно-климатических условий и природных ресурсов, характерных для данной территории, но уточняется за счет включения в описание символов и кодов, проецируемых культурой данного региона на освоенное ею пространство.

Философское осмысление понятия «пространства» имеет давнюю традицию. Пространство, характеризующее структурность и протяженность материальных объектов, является одной из универсальных категорий, позволяющих более или менее целостно описать окружающий человека мир. На протяжении XX в. философами и культурологами были предложены модели, связанные с осмыслением пространства: земное или географическое пространство рассматривалось как проявление архетипов сознания (М. Элиаде); появились исследования, обращающиеся к «близкому», освоенному человеком географическому пространству (Г. Башляр); анализируются связи физического и социального пространства, механизмы «присвоения» (П. Бурдьё); само пространство философской рефлексии стало «географизироваться» (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари), наполняя дополнительными смыслами пространство жизни; анализ семантики пространственных образов («топос» и «логос» семиотической школы) дал еще одну возможность к пониманию взаимообусловленности мира культуры и мира природы. Особое место заняли исторические исследования, связавшие географическое пространство и культуру, возникающую в его координатах (А. Тойнби, Л. Гумилев).

Другой вектор изучения пространства представлен в географической науке, где само «описание Земли» также претерпевает значительные изменения: от конкретных описаний «места» (работы, написанные в жанре путевых заметок) до попыток осмыслить географию как некий «образ пространства», в его целостности и взаимообусловленности частей. Создание

«географического образа мира» тесно связан с картой как его зримым воплощением, с одной стороны, и сближается с почти художественной задачей созидания целостного представления о реальности, с другой (примером может служить геоисторическое описание Франции, сделанное Ф. Бродемом). Обретающая на наших глазах все больший вес «культурная география», или геокультурный подход в науке позволяет говорить о продуктивности целостного анализа природно-географических условий жизни и форм культуры, возникающих в конкретном пространстве, обуславливающих идентичность людей, здесь живущих.

Введение понятия «культурный ландшафт» позволяет современным исследователям анализировать природу и культуру в их единстве и тесном взаимодействии. Р. Туровский, в частности, отмечает: «...человек и его культура формировались во взаимодействии с природой, и исключать природу из культурного ландшафта столь же некорректно, как исключать из природного ландшафта человека. Известно, что многие обычаи, нравы населения разных земель возникли в результате адаптации человека к природным условиям. Природа оказывает непосредственное воздействие на традиционную систему ведения хозяйства, на представление о мире, мифологию и фольклор, на быт, одежду, питание, жилище и другие этнографические особенности. Природные условия ставят пределы возможностям культурного развития и корректируют ассимиляцию заимствованных элементов. <...> Под влиянием природы формируется национальный характер, привычки и ценностные ориентации культурных групп. Природа является ареной для человеческой деятельности, а ее внешний облик становится неотъемлемым компонентом культурного ландшафта и формирует эстетические представления человека»¹⁶. Добавим также, что символическое насыщение географического пространства в ходе освоения его человеком также позволяет осознать его как «культурное», делает его семантически наполненным и значимым.

Таким образом, анализ регионального пространства как *геокультурной общности* позволяет описать специфику культуры, возникающей и развивающейся в отдельно взятой территории.

Историко-культурная составляющая включает историю заселения и освоения региона, сформировавшийся в данном регионе тип культуры и доминирующий тип личности, закрепившиеся в общественном сознании.

Опыт описания историко-культурного пространства в контексте проблем истории заселения и формирования устойчивых общностей особенно активно развивается в исторической географии¹⁷. Однако, обращаясь к истории взаимоотношений человека и окружающего ландшафта, исследователи исторической географии в большей степени акцентируют аспекты, связанные с историей изменения географической среды в связи с деятельностью человека. Смещение акцента в сторону антропологии, позволяющее соотнести актуальное существование культуры и ее историю, дает возможность рассмотреть феномен трансляции культуры, обусловленность конкретного «образа» культуры историческими реалиями, тем самым, создавая новый контекст для изучения проблемы освоения географического пространства в ходе исторического развития России, анализируя место России в мировом сообществе цивилизаций и осознание роли конкретных «мест» и их значения в русской истории, связывая геополитические и общенациональные интересы.

В логике историко-культурного анализа возможно *обращение к типу личности*, сформировавшемуся на определенной территории в определенное время. Само представление о типе личности позволяет связать воедино внешние условия существования человека (географиче-

¹⁶ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М., 1998. – С. 15.

¹⁷ См., например: Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории русских поселений (М., 1962); Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение (Новосибирск, 1965); Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период (Л., 1990); Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией (СПб., 2000) и др.

ское измерение и историческую обусловленность) с внутренним миром («присвоение» мира и активная деятельность в соответствии с ценностными ориентациями), обнаружить востребованность человеческого типа в определенных условиях функционирования культуры.

Понятие «личность» в психологии включает два аспекта: первый понимает под личностью человека деятельного (субъекта общественных отношений и сознательной деятельности), второй обнаруживает в личности некоторую устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена определенной общности. В данных определениях культурная составляющая присутствует в разной степени: как потенциальная возможность для самореализации индивида и как актуальная система ценностей, ориентирующая человека в конкретном социальном пространстве. Более того, именно последняя характеристика дает возможность говорить о формировании в культуре определенного типа личности с особой системой мировоззрения, нравственными основаниями, эстетическими принципами, политическими и экономическими ориентациями, с определенными стереотипами поведения и стилем жизни (см., например, работы об итальянских гуманистах или человеке тоталитарной эпохи).

Историко-культурный анализ дает возможность не только «вписать» личность в определенный исторический контекст, но и связать (или – противопоставить) индивидуальный опыт человека и социально детерминированную модель.

Демографическая составляющая наряду с традиционными проблемами расселения населения и размещения трудовых ресурсов, динамики миграций, сформировавшихся агломераций населенных пунктов, обращаясь к функционированию культуры, включает исторический анализ миграций, связанный с перемещением народов (например, в ходе индустриализации), обусловивший те или иные формы организации социальной жизни и способы освоения природного мира.

Этнокультурная составляющая связывает воедино рассмотрение культур отдельных этнических групп (системы ценностей, язык, религиозные верования, обряды, традиции), проживающих на данной территории и процессы межкультурного взаимодействия этносов.

Социально-психологические факторы обуславливают региональную идентичность (как национальную, так и наднациональную, связанную с той культурой, которая развилась в данном регионе) и влияют на формирование регионального самосознания. Они во многом оказываются связаны с теми социальными мифами, которые существуют в актуальном сознании жителей региона.

Ценностно-ориентирующая составляющая позволяет рассмотреть региональную систему ценностей как один из вариантов общекультурной системы, проанализировать, какие ценности, воспринятые личностью, связывают ее (личность) с местом ее жизни и что становится значимым в каждый конкретный период развития культуры региона.

Политико-экономические факторы обращают к типу административно-территориального деления, статусу территории, позволяют проанализировать систему органов социального управления, взаимоотношения различных политических партий и организаций и их роль в жизни региона, состояние экономики, интеграционные и дезинтеграционные процессы, происходящие в регионе и обусловленность внутрирегиональными и общегосударственными проблемами развития, а также связать деятельность отдельных политических и экономических систем с тем типом культурного взаимодействия, который сложился в данном регионе.

Характеризуя связи между регионообразующими факторами, отметим, что они составляют не конгломерат разнообразных явлений, а определенное единство, объединяющим началом которого и становится региональная культура.

В качестве интегратора регионообразующих факторов культура может быть рассмотрена как система, раскрывающая, с одной стороны, специфику жизнедеятельности людей, с другой, ценностное отношение к социальным связям, которые возникают как внутри территории, так

и в ее отношении к другим регионам и «центру». Такой подход позволяет не только описать механизмы адаптации национальной культуры к региональным особенностям, но оценить степень продуктивности и качество культуры, ее воздействие на личность человека и региональное сообщество.

Региональная культура становится серьезным фактором существования локального социума тогда, когда члены этого социума осознают себя как некое единство, идентифицируют себя с конкретной территорией, ощущая себя связанными с нею не только производственными связями, но и транслируемыми ценностями, среди которых значимость места жизни в судьбе ее жителей и судьбе страны ощущается как доминантная.

Глава 4. Урал как региональная культура: основные этапы истории

Согласно современным географическим представлениям, Урал – это территория между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами, в состав которой входит Уральская горная система, протянувшаяся с севера на юг от берегов Карского моря до среднего течения р.Урал. Исходя из географического положения, Урал делится на Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный, западные предгорья носят название Предуралья, восточные – Зауралья.

Исторически то, что мы сегодня называем «Уралом», меняло географическую определенность своих границ. В древности выделяли, прежде всего, сам горный хребет, значительность и местоположение которого казалась людям наполненной особым смыслом. Древние греки называли его Рифейскими (Рипейскими) горами («отец истории» Геродот в V в. до н.э. писал, что за этими горами на севере Скифии начинаются земли мифической страны гипербореев). Есть сведения о горном хребте у арабских и персидских авторов (IX–X вв.), средневековые русские историки и землепроходцы именовали его Земным, или Каменным Поясом.

Как отмечают лингвисты, тюркское по происхождению слово «Урал» первоначально использовалось для обозначения южной части современного Урала, остальную часть русские называли «Камень», как это делали коренные жители Урала – ненцы, ханты, манси, коми. Только со второй половины XVII в. появляется понятие «Уральские горы», а с XVIII в., со времен В. Татищева под словом «Урал» стали понимать весь Уральский хребет с прилегающими к нему районами.

Эти изменения в названиях в условиях массовой «народной колонизации» в период XV–XVII вв. – после вхождения в состав Руси Перми Великой и других уральских земель, а особенно после походов Ермака в Сибирь, отражали потребность в фиксации местоположения района, прежде всего, в географическом отношении как части бескрайней Сибири. Лишь на протяжении последующих двух столетий постепенно формируется представление об Урале как о некоем геокультурном образовании. Он все больше предстает как район, в котором его географические особенности и природные богатства выступают составной частью человеческой жизнедеятельности, «претворяющих» их в новое качество.

Колонизация Урала в XVI–XVII вв.

Для истории России была характерна так называемая внутренняя колонизация, когда заселялись и осваивались земли, входящие в состав государства. Колонизация Урала была составной частью процесса освоения и заселения восточных земель страны.

Первые контакты древних русичей с народами Северного Урала (предками коми-пермяков и угров) зафиксированы еще с XI в. – это были эпизодические походы новгородских ушкунников за данью. Археологические данные свидетельствуют о том, что перемещение славянского населения – новгородцев, позднее – выходцев из Ростово-Суздальских земель – на территории Северного Приуралья началось в XIII в. В XIV–XV вв. активную борьбу за уральские земли развернули московские князья. Эту борьбу завершает московский князь Иван III присоединением в 1472 г. к Русскому государству земель Пермь Великой (территории Верхнего Прикамья).

Переселенческое движение и освоение Урала, прежде всего верхнекамских земель, русскими (а также участвовавшими в этой колонизации: казанскими татарами, мари, чувашами и другими народами Среднего Поволжья) активизировалось со второй половины XVI в. с присоединением к России Казанского ханства.

По мере продвижения на восток русских строились крепости, основывались поселения, создавались монастыри. Строительство укрепленных городков, крепостей, острогов шло в соответствии с древнерусскими традициями. Огороженная деревянными стенами крепость с ее башнями, церковью, хозяйственными постройками органично вписывалась в окружающий ландшафт, создавая неповторимый облик возникающих городов. Город как поселение и город как крепость были неотделимы друг от друга.

В XVI в. на Урале появляются «именитые люди» Строгановы, которым Иван Грозный «пожаловал» огромные земли по р. Каме от устья р. Лысьвы до устья р. Чусовой. Строгановы развернули на Западном Урале широкое строительство соляных варниц, собирали дань пушнина с местного населения, активно занимались торговлей, в том числе с народами Сибири. В это время строятся первые городки. К началу 80-х гг. XVI в. Строгановы владели четырьмя городками, 39 деревнями и «починками с 352 дворами». Всего на землях Прикамья было построено более 50 населенных пунктов. Наиболее известный Орел-городок.

В XVI в. Орел-городок располагался на правом берегу Камы. Археологами Пермского университета были обнаружены остатки городских укреплений – частокола из бревен, или «стоячего острога». Внутри острога были найдены фундаменты деревянной церкви и трех больших срубов от «хором» Строгановых. Сюда к острогу примыкал посад, который был защищен неглубоким и нешироким рвом. Между городком и посадом находилась торговая площадь, по краям которой стояли лавки. Как считает В. Оборин, основным занятием жителей посада было солеварение, ремесла и торговля, хотя население городка занималось также и сельским хозяйством, и охотой, и рыболовством.

Из Строгановских вотчин «воевать Сибирь» отправился Ермак Тимофеевич. Походом Ермака в Сибирь (1581) начинается заселение русскими восточных частей Урала, явившееся продолжением заселения Приуралья. К концу XVII в. на Урале насчитывалось около 200 тыс. русского населения.

Вхождение Урала в состав Российского государства дало мощный импульс его социально-экономическому и культурному развитию. С XVI в. на колонизируемых территориях в качестве опорных пунктов, своего рода военно-транспортных центров строятся первые города, прежде всего на пути из Москвы в Сибирь (этот путь исторически проходил от Москвы через Ярославль, Вологду, Великий Устюг, Кайгород, Чердын, перевалив через Уральский хребет, по рекам Лозьве, Тавде к Тобольску). Получают развитие ремесла и торговля.

Древней столицей Урала называют Чердынь. Как город Чердынь впервые упоминается в Вычегодско-Вымской летописи в 1451 г., когда в земли коми-пермяков был направлен представитель великого князя московского Василия II. В 1455 г. русский епископ Питирим предпринял первую попытку христианизации чердынцев, которую благополучно завершил другой епископ – Иона. В это же время возник древнейший на Урале Чердынский Иоанно-Богословский монастырь, ставший опорным пунктом русских. Чтобы окончательно закрепиться на Урале, Иван III в 1472 г. направляет в эти земли специальное войско, в результате похода которого «пермские городки» и Чердынь в том числе были заняты русскими войсками. Этот год считают временем Чердыни русской. Город имел укрепление для защиты от набегов пелымских вогуличей.

Чердынь была административным, военным, религиозным центром Перми Великой. В XVI в. здесь был сооружен первый на Урале кремль. В XVIII–XIX вв. Чердынь была крупной перевалочной базой. Через Чердынь на Печору везли хлеб и другие товары, а из Печоры – рыбу, пушнину, точильный камень.

Продвижение в Сибирь требовало новой дороги, более удобной и короткой. Ею стал открытый Артемием Бабиновым путь от Соликамска до Верхотурья, который на последующие двести лет стал единственным маршрутом, соединявшим Европу с Азией, по которому через Уральские горы, тайгу и реки везли царские указы, денежную казну, проезжали почтовые кареты и научные экспедиции. После строительства Бабиновской дороги Чердынь утратила свое значение главного форпоста на пути в Сибирь.

Открытие нового пути в Сибирь привело к бурному строительству в Соликамске; к основанию новых городов: Тюмени (1586), Тобольска (1587), Верхотурья (1598), Туринска (1601). По берегам рек строятся многочисленные «слободы», со временем послужившие основой городов: Ирбита, Шадринска, Камышлова и др.

Массовый характер колонизация территории Урала в XVII в. приобрела благодаря развернувшейся стихийной крестьянской миграции. Большую часть переселенцев составляли крестьяне Северного Поморья. При освоении новых земель русские переселенцы сохраняли приверженность вековым традициям. Среди известных крестьянских типов поселений (погост, деревня, село, починок, слобода) основным была деревня, состоявшая из трех-пяти жилых дворов.

Этот период связан преимущественно с аграрным освоением русскими Уральских земель. Земледельческие районы возникают близ Тобольска, Верхотурья, Туры, Тюмени. Начинает осваиваться Приуралье и Зауралье (Кунгурский край), появляются очаги земледелия на Южном Урале. Крестьянская миграция способствовала распространению на территории Урала русской народной культуры, прежде всего, в ее бытовых проявлениях, формах трудовой деятельности, способах землепользования. В среде поселенцев воспроизводится традиционная русская культура в ее северорусском варианте с характерной для нее обрядово-праздничной стороной, фольклорным творчеством.

В течение следующего столетия на осваиваемых землях в среде русских поселенцев воспроизводится традиционная культура в ее северорусском варианте. Одновременно привнесенная культурная традиция постепенно адаптировалась к местным условиям. Стимулом к этому служило ее тесное взаимодействие с культурами местных народов, а также народов Среднего Поволжья: татар, марийцев, удмуртов, чувашей, участвовавших (начиная с момента падения Казанского ханства) в заселении Уральских земель.

В XVIII в. продолжалось заселение и освоение края: Средний Урал становится горно-заводским центром России. Благодаря созданию военно-оборонительных линий начинается массовая колонизация Южного Урала. К середине XIX в. массовая колонизация на Урале в основном была завершена.

Христианизация края

По мере освоения Урала русскими идет активная христианизация края, поддерживаемая правительством.

В XIV в. распространителем христианства среди коми-зырян был Стефан Пермский. С его именем связано создание первой азбуки коми-зырян, им были переведены на коми-зырянский язык богослужебные книги, открыты школы по обучению грамоте. Тот факт, что «крещение» коми-зырян было ненасильственным, не лишало их самобытности подчеркивает единство русского и коренных народов, свидетельствует об общности их судьбы.

И в «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым, и в исторических исследованиях подчеркивается как забота святителя о своей пастве, так и его непримиримость к язычникам. Не случайно современники дали ему прозвище Храп, т. е. «яростный», «неистовый».

Говоря о роли св. Стефана Пермского, русский философ Г. Федотов отмечал, что проповедник не ставил своей целью «русификацию» коми, что «он смирил себя и свое национальное сознание перед национальной идеей другого – и сколь малого – народа».

В XVI в. продолжается христианизация края. При непосредственной поддержке Строгановых строятся православные храмы, основывается один из первых на Урале Пыскорский Спасо-Преображенский монастырь (1558). «В устье реки Пыскорки, притока Камы, еще до 1558 г. существовала мужская «пустынь» – маленький монастырь. У нее не было ни храма, ни своего хозяйства, а обитатели жили за счет подаяний. В 1559–1560 гг. А. Строганов сделал пустыни вклад (дар) землями, перед смертью сам стал монахом, а детям завещал заботиться о монастыре и впредь. Они выполнили его желание, обитель была обеспечена и землями, и зависимыми крестьянами, и соляными варницами, и необходимыми постройками»¹⁸.

Активное храмовое строительство начинается практически одновременно с массовым освоением Урала.

Освоение восточных земель нельзя представить без монастырей, которые основывались на Урале. Современными исследователями используется даже такой термин – «монастырская колонизация». На протяжении XIV–XVI вв. одним из наиболее значимых центров, из которых шла монастырская колонизация, был Троице-Сергиев монастырь, устройтелем которого был св. Сергей Радонежский.

Древнерусские монастыри – это особый тип крепостных сооружений, архитектурный облик которых иногда складывался веками. Можно выделить некоторые общие признаки в застройке, планировке и композиции русских монастырей. Достаточно рано на Руси сложилось представление о монастыре-крепости как целостном ансамбле. Отчасти это было связано с символической трактовкой монастырского пространства.

В монастырский комплекс обычно наряду с культовыми входили хозяйственные, жилые и оборонительные постройки. По мере роста монастыря в нем появлялось все больше специальных служб – больниц, библиотек, иконописных мастерских, мельниц.

Монастырские стены должны были соответствовать всем требованиям фортификационного искусства. Крепостные башни выполняли и оборонительную роль, и служили для хозяйственных нужд. В них устраивались кладовые и мастерские. Башни могли служить и въездными воротами в монастырь. Келейные корпуса обычно располагались по периметру монастырских стен, образуя главный монастырский двор. В центре двора возводились основные сооружения. Центральное место занимал монастырский храм, возвышавшийся над всеми остальными постройками. Он символизировал «око Божье». Вторым по значимости

¹⁸ Нечаева М. Ю. Уральские монастыри // Очерки истории Урала. Вып. 3. – Екатеринбург, 1997. – С. 83.

сооружением была трапезная – место для общего вкушения пищи, которая ассоциировалась с Тайной вечерей. Обязательными элементами монастырского комплекса были колокольня и звонница.

Самым первым на Урале был основан Чердынский Иоанно-Богословский монастырь (1462). Он был приписан к Троице-Сергиевой лавре. В коллекциях современных прикамских музеев сохранились некоторые из предметов, находившихся в Иоанно-Богословском монастыре: деревянные оконные рамы XVII в. со слюдой в железных переплетах, многоцветные печные изразцы местного производства начала XVIII в., образцы золотошвейного искусства XVII–XVIII вв., резное кресло XVIII в. Из монастырских построек до нас дошла каменная двухэтажная церковь Иоанна Богослова.

На восточном склоне Уральских гор первая обитель возникла в 1604 г. Это был Николаевский мужской монастырь в Верхотурье, названный по церкви, посвященной Святителю Николаю. Жизнь монастырской братии Николаевского монастыря мало чем отличалась от жизни в других обителях: она проходила в молитвенном подвиге и хозяйственных заботах.

Поворотным событием в жизни обители стало обретение мощей святого Симеона Праведного. 12 сентября 1704 г. мощи святого Симеона были перенесены из с. Меркушино в монастырь. Монастырь стал местом паломничества для огромного числа верующих со всей России.

Жемчужиной Зауралья называют Далматов Успенский монастырь, основанный в 1644 г. Основателем обители стал старец Далмат (в миру – Дмитрий Иванович Мокринский). Рассказывают, что раньше Далмат жил в Невьянском Богоявленском монастыре, где пользовался большим авторитетом за свою строгую и набожную жизнь. За это его хотели сделать игуменом. Далмат не пожелал такой должности и в поисках уединения ушел из Невьянского монастыря, придя на земли по берегам реки Исеть. Вскоре сюда начали приходить монахи и миряне, желавшие вести такую же благочестивую жизнь, как и Далмат. Так рассказывает предание об основании Успенского мужского монастыря.

Земли, где был основан Далматов монастырь, принадлежали татарину Илигею. Илигей не использовал эти земли для себя, а сдавал их в аренду русским, жившим здесь до прихода Далмата и занимавшимся промыслом пушного зверя. Узнав о том, что в этих местах появился монастырь, они подучили Илигея изгнать с его земли монахов. Татары-кочевники стали нападать на монашескую общину.

Рассказывают, что во время одного из таких нападений Илигею явилась Божья Матерь, запретившая ему нападать на монахов. Вняв Богородице, Илигей позволил жить монахам на своей земле и в знак этого, рассказывают, подарил Далмату кольчугу и шлем. В Свердловском областном краеведческом музее хранятся шлем и кольчуга, которые, по преданию, принадлежали Далмату. Историки утверждают, что легенда о передаче Илигеем своих доспехов Далмату могла появиться довольно поздно – во второй половине XVIII–XIX вв., во времена, когда оформлялся культ праведного Далмата. Подтверждение они находят в истории Русской православной церкви, для которой было характерно использование предметов вооружения в качестве реликвий чтимых святых-воинов.

«Вертикали» и «горизонталы» культурного мира

Осваивая пространство Урала, человек в процессе своей деятельности закреплял в архитектурной планировке поселений свое представление о картине мира, наделяя его смыслами. В самом акте создания городов можно обнаружить, как активная деятельность человека создает рукотворный космос, как человек организует пространство своей жизни, наделяя его знаками и значениями. Такое семантически окрашенное бытие нашло свое воплощение в архитектуре осваиваемого края. Обживая территорию, человек, так или иначе, получает систему ориентиров в пространстве. И чем более культурно освоена местность, чем дольше на ней живут люди, тем более сложной будет пространственная организация.

Вертикальная ось географического пространства Урала изначально формировалась горами. Горизонтальная ось связана с уральскими реками. Уральские реки становятся теми артериями, по которым двигаются с запада на восток колонизаторы. В XIII в. русские ратники проникают на Урал водным путем – с реки Вычегды на Каму и спускаются по ней до Волги. Чусовая в русских летописях упоминается впервые в XIV в. Не случайно и Ермак отправляется «воевать Сибирь» по Каме, Чусовой и Серебрянке.

Именно эти составные элементы природного мира становятся смыслообразующими в создании пространства культурного. В ходе колонизации происходило изменение природного ландшафта: строительство крепостей и городов, распахиwanie земель и открытие богатейших рудных месторождений. По сути, в природно-географической системе координат появлялись новые «горизонталы» и «вертикали» – культурного мира.

«Горизонтальное» пространство активно осваивается с XVI в., когда на колонизируемой территории Урала строятся первые города. Строительство новых городов было связано с необходимостью создания опорных пунктов, своего рода военно-транспортных центров на пути первопроходцев.

Первые опыты застройки открытых уральских земель тесно связаны с традиционными для Средней России сооружениями: крепостями-ostroгами, огороженными и охраняемыми территориями новых поселенцев, архитектурным центром которых становится кремль (примером может служить Чердынь или более поздний по времени Тобольск).

В ходе освоения природного мира, с возникновением поселений, особую значимость в создаваемой архитектурно-планировочной среде приобретают «вертикали» – храмы и церкви, как символические пространства связи сакрального (священного) бытия и мирского (земного, человеческого) существования¹⁹.

Показательной является история Верхотурья, основанного в XVI в. Возникший как «ворота в Сибирь», город недолго сохранял статус «крупнейшего торгово-распределительного и административного центра». С XVIII в., утратив свое торгово-хозяйственное назначение, он становится «духовной столицей края». Сам город воспринимался как сакральное место, освященное жизнью и последующим обретением мощей одного из самых почитаемых на Урале и в Сибири святых, Симеона Верхотурского. Величественные архитектурные ансамбли храмов и монастырей в зримых образах выражали значение Верхотурья. Духовные ценности православной культуры, воплощенные в архитектурных сооружениях, создавали необходимую «духовную вертикаль», связывая обыденную повседневность с сакральным миром.

Судьба города коренным образом изменяется в более позднее время, в XX в. Когда после революционных событий 1917 г. начинается разорение города, проходят массовые реквизиции и закрытия монастырей и храмов, происходит приспособление культовых сооружений под

¹⁹ Если вспомнить, к примеру, Тобольский кремль, то, как отмечают исследователи, храм Софии – центральную часть кремля – можно рассматривать как художественную реализацию утверждения русских поселенцев на сибирской земле.

учреждения Наркомпроса, Наркомздрава, под квартиры рабочих и крестьян, склады, расположение воинских частей, концентрационных лагерей. Поругание духовной святыни в данном случае – лишь одна из горьких иллюстраций к нашей истории, закрепленная в пространстве.

Культура горнозаводского Урала

Начиная с XVIII в. Урал надолго становится ведущим промышленным районом страны. Богатые рудные месторождения, топливо, судоходные реки, удобные для транспортировки готовой продукции в центральные районы страны, создавали благоприятные условия для строительства здесь чугуноплавильных, железоделательных, медеплавильных заводов. В основном они размещались на Среднем Урале.

Подлинная история горнозаводского Урала начинается с создания заводов: Невьянского (1701), Каменского (1701), Алапаевского (1704), Уктусского (1702–1704). Особое значение для развития имело строительство завода и основание на его базе Екатеринбурга, официального центра управления уральскими и сибирскими заводами.

Уже к первой четверти XVIII в. в крае действовало 23 металлургических, железоделательных заводов. К середине века их стало свыше шестидесяти (из 75 подобных российских). А к концу столетия на Урале насчитывалось 176 заводов (из примерно 200 существовавших к этому моменту в стране в целом).

Бурное развитие уральской металлургии быстро позволило России перестать закупать металл и оружие в Европе, а наоборот – начать его экспортировать. Общий объем вывоза железа в Англию, Францию, США достиг почти 4 млн. пудов. Россия в это время занимала первое место в мире по выплавке чугуна и первое место в мире по производству меди.

Превосходство на данном отрезке времени могло быть завоевано во многом благодаря массовому использованию труда крепостных, приписанных к заводам. Вот почему Англия, так нуждавшаяся в металле и вынужденная в то время закупать уральскую продукцию, не могла применить этот опыт и сосредоточилась на механизации производственных процессов, поиске и создании новых технологий.

Развитие уральского горнорудного производства являлось составной частью общемирового технического прогресса и опиралось на налаженную систему широкого обмена техническим опытом между казенными и частными металлургическими заводами России, включавшим также целенаправленное заимствование, использование и усовершенствование передовых достижений европейской научно-технической мысли (иногда опережая ее!).

Превращение Урала в район горнометаллургической промышленности, тем не менее, не изменило положения России в целом, остававшейся по-прежнему аграрной, крестьянской страной (90 % населения которой составляли крестьяне). Характеризуя положение горнозаводского Урала, можно сказать, что он был, по сути, превращен в *промышленный анклав* внутри России.

Противоречие «петровской индустриализации» заключалось в том, что она не была индустриализацией всей страны, а ограничивалась формированием сверхускоренными темпами отдельного промышленного района внутри нее. Формирование Урала как главного промышленного района Российского государства способствовало его стремительному взлету, но одновременно стало причиной появления многочисленных трудностей, проявившихся в последующем развитии региона.

Благодаря деятельности Горной администрации стало возможно проведение целенаправленной политики в развитии края, имевшей во многом беспрецедентный характер. «Птенцам гнезда Петрова» казалось, что они получили шанс в рамках отдельной «земли» реализовать главный проект своей эпохи, что они смогут, начав с «чистого листа», с самых основ построить здесь, на Урале, новую жизнь, находящуюся в согласии с их представлениями. Впервые в России на Урале была разработана (с использованием методов экономического планирования) долгосрочная стратегия промышленного развития края; разработан особый свод горнозаводского законодательства (Горный Устав): получили хождение «свои» деньги (короткое

время с согласия Берг-коллегии чеканка этих медных плат велась на Екатеринбургском монетном дворе).

Наряду с этим в удаленности от столиц, на территории Среднего и Южного Урала, частично западного Приуралья возникло то, что именовали «империей Демидовых», «горным царством» (к концу XVIII в. Демидовы владели на Урале 40 металлургическими заводами).

Горнозаводской Урал уже в силу своей специализированности не мог жить обособленно. Промышленники вынуждены были постоянно думать о производимой ими продукции и возможностях ее сбыта, что в немалой степени определило характер развития производства края. Наряду с шедшими на продажу металлом и металлическими изделиями (котлами, якорями, колоколами, инструментами, предметами крестьянского быта), в условиях безденежья и растущей конкуренции уральские заводы обратили внимание на выпуск пользующейся спросом медной посуды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.